

становой приставъ—совершенно живыя лица, и нѣкоторыя сцены (напр., молебень по случаю появленія крокодила и слѣдующій за нимъ завтракъ) дышать заразительною веселостью. Г. Салова сравниваютъ иногда съ Тургеневымъ; мы не послѣдуемъ этому примѣру. Если ему случается вести разсказъ отъ собственнаго лица и брать исходной точкой свои охотничьи или рыболовные походы, то это еще не причина вспомнить о „Запискахъ охотника“. Тургеневъ—прежде всего поэтъ; о г. Саловѣ этого сказать никакъ нельзя, да онъ и самъ, повидимому, вовсе не считаетъ себя поэтомъ. Между встрѣчающимися у него картинами природы нѣтъ ни одной, которая была бы чѣмъ-либо большимъ, нежели декорацией (часто очень хорошей) для послѣдующаго разсказа. Даровитый наблюдатель провинціальной жизни—не художникъ въ истинномъ смыслѣ этого слова; роль его въ нашей литературѣ гораздо скромнѣе, но это ничуть не мѣшаетъ ей быть видной и полезной.

— Д. Голохвастовъ, Письма изъ деревни. Москва, 1884 г.

— Д. Дараганъ, Мысли сельскаго хозяина по разнымъ земскимъ вопросамъ. С.-Петербургъ, 1884.

Мы поставили эти книги одну подлѣ другой, потому что между авторами ихъ есть точки соприкосновенія, есть и весьма поучительная разница. И тотъ, и другой—помѣщики, заботящіеся преимущественно объ интересахъ крупнаго землевладѣнія; и тотъ, и другой, принадлежать, хотя и далеко не въ одинаковой степени, къ правому флангу земскихъ дѣятелей и публицистовъ. По отношенію къ г. Голохвастову, какъ мы увидимъ ниже, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; по отношенію къ г. Дарагану это доказывается отрицаніемъ крестьянскаго малоземелья, возраженіями противъ переселеній и противъ крестьянскаго кредита, жалобами на неисправность наемныхъ рабочихъ, несочувственными отзывами объ общинномъ землевладѣніи. Здѣсь оканчивается сходство между обоими писателями. Г. Дараганъ не вздыхаетъ о прошедшемъ, не вдается ни въ какія крайности, не предлагаетъ никакихъ крутыхъ мѣропріятій; онъ старается сохранить безпристрастіе, и большею частью достигаетъ своей цѣли. Призывая старую, „буржуазную“ политическую экономію безусловно истинною, онъ находитъ, однако, что община соотвѣтствуетъ условіямъ великорусскаго быта, и что затрудненіе къ выходу изъ общины, установленное Положеніями 19 февраля, слѣдуетъ считать разумнымъ; сожалья о необезпеченности наемателя, онъ объясняетъ ее не испорченностью народа, не потворствомъ или слабостью суда, а всею совокупностью условій нашей